

Э.Р. Козай

МОТИВИРОВАННОЕ ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ В ИДИОСТИЛЕ Т.К. ЗУЛЬФИКАРОВА

Вопрос о языковой норме и ее нарушении – один из актуальных вопросов лингвоэкологии. Как известно, отклонение от нормы имеет двойственную природу. С одной стороны, нарушение нормы свидетельствует о недостаточной речевой культуре или даже неграмотности говорящего/пишущего. С другой стороны, нарушение нормы может носить осознанный характер, тогда оно становится художественно значимым, превращается в литературный прием. Намеренное нарушение нормы, наблюдаемое в художественном и публицистическом стилях, бывает часто связано с окказионализмами.

Окказионализмы (лат. *occasionalis* – «случайный»), или индивидуально-авторские новообразования, слова, возникающие по случаю под влиянием контекста. Их появление – результат индивидуального словотворчества, языкового новаторства художника слова. Они создаются мастерами слова специально и осознанно, этим они кардинально отличаются от слов, появившихся в результате спонтанно совершаемых речевых ошибок. Природа окказиональности описана в классических трудах Г.О. Винокура, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова.

С одной стороны окказионализмы – единицы, не входящие в языковую систему, своеобразные «нарушители» языка, периферийные, маргинальные явления, с другой – именно окказионализмы в условиях определенного контекста становятся единственно возможным средством, способным выразить то, что не под силу каноническому слову. Обладая заложенным в них запасом экспрессивности, окказионализмы становятся мощным изобразительно-выразительным средством. Выразительность индивидуально-авторских новообразований связана с их необычностью (графической, семантической, словообразовательной, морфологической, синтаксической), проявляющейся на фоне канонических нормативных образований. Проиллюстрируем эти положения примерами.

Обратимся к творчеству известного современного поэта и прозаика, драматурга и сценариста, художника-мыслителя и философа, обладателя престижных литературных и кинематографических премий Тимура Зульфикарова, создающего по словам писателя «...самую вольную! Самую богатую! Самую медовую невнятную цветастую павлинью поэзию в России дотоле небывалую...» [Зульфикаров:1] (здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация). В его произведениях причудливо смешались фольклорная атрибутика и античная, библейская мифология; ритмы персидских дастанов, газелей и аттических трагедий; библейских текстов и древнерусских плачей; история и современность. Он разрушил границы между прозой и поэзией, между восточной и западной литературой.

Самобытен и уникален язык его произведений, насыщенный индивидуально-авторскими новообразованиями, среди них в особую группу выделяются цветковые прилагательные. Мир произведений Т.К. Зульфикарова полихромен. Писатель внимательно и зорко всматривается в исчезающую красоту русских полей и лесов, в величие и мощь древних фан-ягнобских гор и водопадов, в пыльные «янтарные» улочки родного «колыбельного» провинциального Душанбе, в историю древней «голубоглазой страны» Согдианы глазами наблюдательного художника-живописца. Он воспринимает реалии окружающей действительности через цвет. Высокая частотность слов «белый», «голубой», «зеленый», «золотой», «серебряный», «гранатовый», «рубиновый» в его произведениях позволяет предположить, что названные цвета занимают важное место в колористической картине мира Тимура Зульфикарова и несут особую смысловую нагрузку.

О том значении, которое играет цвет в картине мира Т.К. Зульфикарова, свидетельствуют также интермедиальные аллюзии, отсылающие читателя к полотнам Ван Гога и Сальвадора Дали, фрескам Андрея Рублева и Дионисия: «О, тут нужен безумный Ван Гог с его бешеными размазанными виноградниками в Арле или притворяющийся безумцем расчетливый Сальвадор Дали с его растекшимися, расплавленными часами в пустыне...»

[Зульфикаров: 2]; «У вас такие глаза...Такой цвет, свет был только на фресках Дионисия...Такие глаза есть только на Руси» [Зульфикаров: 2].

Используя импрессионистический прием игры с красками и тончайшими оттенками цвета, Т.К. Зульфикаров не только мастерски воспроизводит средствами языка многообразные цветовые и световые характеристики объектов окружающей действительности, но и эмоционально воздействует на читателя. Обратимся к его поэме «Афоризмы и притчи. Изумруды, рубины, алмазы мудрости в необъятном песке бытия» [Зульфикаров: 1] и к фантастически-мифологической притче «Коралловая эфа» [Зульфикаров: 2].

В первую группу выделяются цветовые прилагательные в прямом смысле, например: «...а глаза были *голубые* русские *васильковые*» [Зульфикаров: 2]; «но что может написать тихая, провинциальная, покорная возлюбленная моя *в алом* кулябском платье и неизменных *черных* чулках?..» [Зульфикаров: 2]; «Я побежал на крик и увидел у избы *белую* херувимскую козу» [Зульфикаров: 2]; «..русалка-берегиня болотная *с синими* глазами» [Зульфикаров: 2].

Вторую группу составляют цветообозначения, образованные от названий драгоценных камней, металлов, например: «И древо осиянных молний ветвистых в небе *агатовом* стоит ослепляет бродит полыхает!..» [Зульфикаров: 1]; «И древние цыганские *золотые* кочевые костры зажигаются в ее дымчатых *малахитовых* зрачках!...») [Зульфикаров: 1]; «И вот я гляжу в небеса *смарагдовые* лазоревых Фанских гор» [Зульфикаров: 2]; «Эфа открывала *янтарные* глаза и подолгу, не мигая, глядела *на коралловый*, малиновый закат...» [Зульфикаров: 2].

На фоне общеязыковых прилагательных со значением цвета, соответствующих норме употребления, выделяются сложные окказиональные цветообозначения, которые образуют третью группу: «*бронзовомедовый* вечер» [Зульфикаров: 2], «Серебряно ликуют лучатся *белосоломенные* выгоревшие до живых жемчугов *власы власы...*» [Зульфикаров: 2], «*от снежнорозового* куста первоминдаля до *медоволилового* куста осыпчатой персидской сирени»

[Зульфикаров: 1], «*златопарчовый* тяжкий душанбинский листопад серебристых мраморноствольных чинар чинар чинар...» [Зульфикаров: 1], «где-то в чуйской долине трепетливой блаженной *златопыльной златодымчатой златопшеничной...*» [Зульфикаров: 1]; «...тогда стояла *златолиственная, златохмельная* осень» [Зульфикаров: 1]. Приведенные примеры интересны тем, что в одно сложное слово сцепляются два корня, один из которых выражает значение цвета: «белый», «лиловый», «бронзовый», «золотой», другой – связан с обозначением качества, восходящего к названию вещества, материала: «мед», «солома», «пыль», «дым», «пшеница», «парча».

Выделенные сложные прилагательные различаются характером смысловых отношений между компонентами. Так, например, «бронзовомедовый вечер» – окказионализм, первая часть которого обозначает цвет, кстати, значение цвета здесь возникло в результате переосмысления значения слова «бронзовый» и переходом относительного прилагательного в разряд качественных, вторая часть – индивидуально-авторская метафора, связанная с названием качества, а не цвета. «Златопарчовый» – окказиональное слово, возникшее в результате соединения цветообозначения со словом, обозначающим вид ткани.

Неожиданными являются сложные окказиональные причастия со значением цвета, которые можно выделить в отдельную группу: «*златосыплющиеся* чинары»; «*златоплешущий* листопад»; «листопад *златолиственный златошепчущий златолепечущий*»; «чащи *златокишащие, златоворожащие, златолетящие*» [Зульфикаров: 1]. Первая часть этих индивидуально-авторских новообразований обозначает цвет и представлена старославянским по происхождению корнем «злато-», вторая – причастием с глагольной нецветовой семантикой. Сложение далеких (и семантически, и грамматически) друг от друга слов развивает метафорические значения новообразования и создает мощный художественный эффект.

Особого комментария требует пример: «*снежнорозовый* куст первоминдаля» [Зульфикаров: 1], в котором наблюдается «поэтическое»

совмещение значений. А. Зализняк предлагает называть подобные значения «осциллирующими» или «мерцающими». Она поясняет, что «...имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания» (т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение) [Зализняк 2004: 32].

Рассмотренные примеры и их анализ убеждают в том, что употребление цветообозначений, общеязыковых и индивидуально-авторских, является яркой лексико-стилистической чертой языка произведений Т. Зульф리카рова. Писатель использует разнообразные приемы цветописи: насыщение текста словами-цветообозначениями, создание сложных окказиональных цветообозначений, повторы цветowych прилагательных, введение цветообозначений в несвойственный им контекст.

Окказиональные сложные прилагательные и причастия, выполняющие функции цветописи в произведениях Т. Зульф리카рова, характеризуются теми же признаками, которые присущи любым окказионализмам: прозрачность смысла и словообразовательной структуры, неповторимость и неожиданность, экспрессивно-стилистическая окрашенность. Они не претендуют на то, чтобы войти в систему языка, в общее употребление. Сфера их бытования – художественный текст. Неожиданные соединения разных по смыслу слов в единое цветообозначение не является для автора самоцелью. Они всегда оправданны и обусловлены контекстом.

Список литературы

Зализняк А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20-45.

Зульф리카ров Т.К. [1] Афоризмы и притчи. Изумруды, рубины, алмазы мудрости в необъятном песке бытия // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://royallib.ru/read/zulfikarov_timur/izumrudi_rubini_almazi_mudrosti_v_neobyatnom_peske_bitiya.html#0

Зульф리카ров Т.К. [2] Коралловая эфа // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.proza.ru/avtor/nanazu>